

Хоть ему и было уже за двадцать, а в прошлой жизни тех, кто выказывал ему симпатию - и мужчин, и женщин — было, как рыбы в реке, — но вот с таким, чтобы человек вдруг, без всякого предупреждения, полез руками, он сталкивался впервые.

Вэнь Ецай пробормотал что-то невнятное и даже не упустил случая — слегка сжал.

— Угу, я просто хотел проверить, живой ли ты. Похоже, да, тёпленький!

Юй Шанчжи просто не знал, смеяться ему или плакать.

— Я тебе что, только что приготовленный баоцзы?

Вэнь Ецай скривился:

— От баоцзы хотя бы толк есть.

«Его съесть можно...» — эту фразу он всё-таки проглотил, побоялся, что скажет — и спугнёт Юй Шанчжи.

Юй Шанчжи уже было подумал, что на этом всё закончится, но рука того, как ни в чём не бывало, продолжила движение вниз — и вот-вот могла добраться до самого запретного. Он не стал ждать — перехватил непослушное запястье и с лёгкой укоризной сказал:

— А-Е, ты действительно поверил в мою историю?

Вэнь Ецай не стал выдёргивать руку, позволил Юй Шанчжи держать её как есть. Ладони молодого врача были прохладными — очень даже приятно.

— После всего, что случилось, во что тут ещё не верить? — сказал он. — Или ты мне скажешь, что ворота в дом Вэнь — это какой-то особенный, благословенный порог, и любой безнадёжный неумеха, стоит ему туда ступить, сразу расцветает и становится великим врачом?

Он поднял взгляд и посмотрел прямо на Юй Шанчжи.

— А ты? — вдруг спросил Вэнь Ецай. — Ты сам-то и вправду хочешь со мной жить? В прошлой жизни ты, вроде, был господином из богатого дома — деревенская бедная жизнь тебе по силам?

Из-за этих слов перед глазами Юй Шанчжи вновь всплыл уголок сцены из сна. Черно-белая фотография, с которой человек с того конца встречался взглядом с ним — будто в молчаливом напоминании: в тот мир уже не вернуться. Прошлое рассыпалось в прах, осталось только в

зыбком сне.

Он глубоко вдохнул — и наконец произнёс то, что давно хранил в сердце:

— Когда я пришёл в этот мир, с самого первого пробуждения я уже был твоим мужем. Если ты не откажешься от меня — я буду жить с тобой всю жизнь. Ты согласен?

И как же тут Вэнь Ецай мог не согласиться? Согласен. Более чем согласен!

Он так разволновался, что без удержу выложил свой план-минимум на троих детей.

— Я всё обдумал! Лучше всего — один мальчик, один гер, одна девочка. Неважно, кто первым родится, конечно, все хотят, чтобы первым был сын — и это тоже не беда. Так у гера и сестрёнки будет старший брат, защитник. Когда подрастут — никто их не обидит. А если захотят, как я, взять себе мужа в дом — да ради бога!

Сказав это, он заметил, что Юй Шанчжи уставился куда-то вперёд и надолго замолчал, не давая ни ответа, ни реакции. Вэнь Ецай вынужден был поддеть его локтем:

— Юй Шанчжи? Ланчжун?

Юй Шанчжи резко очнулся, только тогда осознав, как далеко унесли его мысли после слов Вэнь Ецай. Всё-таки возможность того, что гер способен рожать детей — для него, человека с медицинским образованием из современного мира, была слишком ошеломляющей. Но подумав о том, что впереди у них ещё вся жизнь, он понял: этого вопроса им так или иначе не миновать. А раз уж Вэнь Ецай с таким рвением строит планы на детей, значит, наверняка очень их любит.

Юй Шанчжи раньше никогда не задумывался, какими могут быть его собственные дети, а теперь они словно вдруг оказались на расстоянии вытянутой руки — как тут не почувствовать растерянность?

— Кто родится первым — неважно, — наконец сказал он. — Будь то мальчик, девочка или гер, я в любом случае буду их любить.

Сказав это, он сам невольно усмехнулся. Поддался на увещания Вэнь Ецай, и теперь рассуждает о рождении детей, будто это так же просто, как пойти в сад и собрать плоды с ветки.

Хотя ведь у них с Вэнь Ецаем... пока что вообще ещё ничего не было.

Однако, раз уж все недоразумения были прояснены, двое наконец могли спокойно обсудить,

как быть дальше. Теперь, когда Ли-эр и сваха Хуа получили по сорок палочных ударов, вряд ли они встанут с постели раньше, чем через полмесяца, и уж точно не посмеют больше мутить воду.

А Юй Шанчжи по-прежнему чувствовал слабость: едва вставал — тут же начинались головокружение, тошнота, подступало ощущение рвоты. Так что они решили пока остаться в лечебнице ещё на один день. Если завтра станет полегче, тогда вернуться в деревню — ведь восстановить здоровье сейчас было важнее всего, а чуть больше расходов на день — это не так уж и страшно.

Тем более, что все траты покрывались за счёт серебра, взысканного с Ли-эра и свахи Хуа, так что тратить его было совсем не жалко.

А раз уж решили задержаться, нужно было вновь попросить кого-то из соседей передать весть в дом Сюй и, заодно, по возможности, помочь с заботой об Эрню и Санъя.

— Это несложно, — сказал Вэнь Ецай. — Схожу к пристани, там наверняка кто-то из наших мужиков работает. Найду кого-нибудь, попрошу передать.

С этим тянуть не стоило, а то, глядишь, люди с работы разойдутся по домам. Убедившись, что Юй Шанчжи устроен как следует, Вэнь Ецай быстро вышел, чтобы уладить дело. А когда вернулся, в руке у него оказался свежий персик. Он заранее одолжил в лечебнице воды из колодца, вымыл его дочиста и теперь вложил прямо в ладонь Юй Шанчжи.

— Вот уж действительно удача, — улыбнулся Вэнь Ецай. — Прихожу — а там, издалека, вижу старшего Да Линя из семьи Сюй, он как раз груз тащил. Мы ведь уже два дня у них на попечении, Эрню и Санъя несколько раз у них ели — нельзя же просто так человека побеспокоить. Я купил кусок свинины, а ещё у пристани наткнулся на лоток с персиками — выбрал несколько красивых, сочных, передал всё Да Линю, пусть отнесёт. Персики и правда хорошие, попробуй, сладкие ли?

Юй Шанчжи подержал в ладонях тяжёлый, наливной плод и не стал торопиться с угощением — сперва спросил:

— А ты себе не оставил?

Вэнь Ецай усмехнулся:

— Почему не оставил? Я по дороге съел один.

Юй Шанчжи только прислушался — и сразу понял, что тот врёт. Помолчал немного, а потом вернул ему персик.

— Мне сейчас с лекарствами нельзя фрукты, особенно персики. Так что ты съешь сам.

— Даже персик нельзя?.. — разочарованно протянул Вэнь Ецай. — Совсем-совсем?

Юй Шанчжи чуть улыбнулся и с нарочитой жадностью показал на плод:

— Тогда... я откушу кусочек, а ты съешь остальное.

Он прикинул, что если не сказать так, то Вэнь Ецай наверняка снова не станет есть, упрямо отложит фрукт и, чего доброго, унесёт его домой — дескать, на потом.

Так и вышло: персик разделили пополам, каждый со своими мыслями. Вэнь Ецай несколько не побрезговал тем, что Юй Шанчжи уже надкусил — доел всё до последнего ломтика, потом потёр живот и с довольной миной заключил:

— Не зря пять вэнь стоил. Сладкий, сочный — того стоит.

Отдохнув ещё одну ночь, на следующий день Юй Шанчжи почувствовал себя значительно лучше. Он мог спокойно встать с постели, а при ходьбе больше не кружилась голова.

Пришёл дежуривший врач и сделал ему иглокалывание, чтобы рассеять застоявшуюся кровь на затылке. Юй Шанчжи сам ощупал шишку на голове — всё ещё припухшая, спать можно только лёжа на боку, но в целом состояние не вызывало беспокойства.

Раз так, они решили следовать ранее намеченному плану и начали собираться в дорогу. Хотя, сказать по правде, собирать-то было особо нечего — условия в лечебнице простые, обе ночи они спали, не снимая одежды.

Вэнь Ецай, собирая в корзину только что выданные лекарства, нагнулся — и вдруг вспомнил, что есть ещё одна вещь, которую он до сих пор не передал Юй Шанчжи. Это была заколка, которую он купил ещё позавчера, утаив от Юй Шанчжи — хотел сделать сюрприз. Кто бы мог подумать, что после этого случится целая череда событий, и сам он лишь сейчас, собираясь в дорогу, о ней вспомнил.

Он без промедления вытащил заколку и, взяв Юй Шанчжи за руку, вложил ему в ладонь. Тот ощутил, что в руке что-то появилось, нащупал предмет и аккуратно его изучил пальцами. Оказалось, это деревянная заколка с резным навершием в форме листа.

В эту эпоху мужчины действительно собирали волосы в пучок, но в деревне чаще всего просто перевязывали их куском ткани — в лучшем случае повязывали шелковую ленту. Заколки же были редкостью и считались вещью довольно изысканной. Юй Шанчжи не ожидал, что Вэнь Ецай купил для него такую вещицу, и сердце его сразу сжалось от тёплых чувств.

Он бережно сжал заколку в руках, выражение лица стало серьёзным и тронутым:

— Спасибо, А-Е. Мне очень нравится.

Именно так, с такой надеждой и радостным предвкушением, Вэнь Ецай представлял себе этот момент, когда выбирал заколку. После всего, что случилось, он почти поверил, что никогда уже не сможет её вручить.

Но, к счастью, судьба повернулась иначе — пусть с небольшим опозданием.

— Дай, я тебе её надену.

Он с улыбкой на губах снова взял заколку, слегка привстал на носки и аккуратно, прямо и прочно, воткнул её в волосы Юй Шанчжи, в самом центре его узла.

Затем отступил на шаг, оглядел результат и с удовлетворением произнёс:

— Красиво. Очень красиво.

Да тут даже не в заколке дело — с таким лицом, как у Юй Шанчжи, хоть палочку для еды в волосы воткни, и то будет смотреться изумительно.

Он вдруг немного с грустью добавил:

— Жаль только, что ты сам не можешь на неё посмотреть.

Юй Шанчжи с лёгкой улыбкой ответил:

— Но ведь заколка и должна носиться на макушке — чтобы самому не видеть. Это ведь ты её подарил, значит, и ношу я её для тебя.

Всего одна короткая фраза — и Вэнь Ецай тут же развеселился, совсем как ребёнок.

— Ах ты, льстец.

Сказал это, а сам снова поднял глаза и посмотрел на заколку — чем больше смотрел, тем сильнее она ему нравилась. Перед самым уходом Вэнь Ецай вспомнил ещё об одном важном деле: он нашёл в аптеке ту самую пожилую служанку, что отвечала за уборку, и забрал у неё утят, за которыми поручил ей на время приглядывать.

Как и договаривались, он дал ей пять вэней. Сумма и вправду небольшая, но старуха только травы утятам кидала — и то делала это охотно, потому и сейчас получила плату с радостью.

Когда они вышли из аптеки, как раз наступил час Шэнь — четвёртый час пополудни. Солнце уже не было таким палящим, как в полдень, а светило мягко и тепло, приятно грея кожу.

Юй Шанчжи с тех пор, как оказался в этом мире, всё чувствовал холод — вероятно, из-за той самой «искусственной смерти», что подорвала здоровье его нового тела. Сейчас он немного размял ноги, и по телу наконец потекло тёплое, живое ощущение, как будто кровь в жилах снова разогрелась.

Вэнь Ецай, выйдя за порог, сразу же начал озираться по сторонам.

— В твоём состоянии до деревни точно не дойдёшь, — пробормотал он. — Пойду поищу, где бы тут нанять воловью повозку.

В местечке вроде этого промышляли многие — например, тот самый жадный Ли-эр, — но уж точно за дорогу они запросили бы больше, чем Сюй Циншуй, который обычно подвозил их. Всё потому, что если ехать в сторону города, извозчик по пути мог бы подобрать других пассажиров или взять груз обратно. А вот из деревни почти всегда возвращаешься с пустой телегой — и потому плата, разумеется, выше.

Когда в день свадьбы он нанимал повозку, только за неё одну пришлось выложить тридцать вэней, и сейчас, судя по всему, рассчитывать на меньшую сумму не приходилось.

Вэнь Ецай, уже собиравшийся расспросить, где на рынке можно найти надёжного возчика, внезапно почувствовал, как Юй Шанчжи слегка сжал их сцепленные руки.

— Зачем снова нанимать повозку? — спокойно заговорил тот. — Мы ведь и собирались в этот раз за скотиной сходить, просто всё сорвалось из-за тех событий. Раз уж выбрались в город — грех упустить возможность.

Вэнь Ецай резко повернул голову, взгляд его сделался пронзительным, будто хотел заглянуть в самую душу собеседника. Он смотрел так, словно только сейчас в полной мере осознал: перед ним не просто человек, спасённый им с дороги, не просто сговоренный чжусуй, а тот, кто и вправду собирается с ним жить — хозяйствовать, строить общее будущее, идти рядом.

В его глазах вспыхнуло изумление, за которым вскоре проступила мягкость, почти — нежность.

— Ты хочешь сказать... мы прямо сейчас пойдём за волком, купим повозку, и на СВОЕЙ телеге поедем домой?

Юй Шанчжи с лёгкой улыбкой кивнул.

"Вот это да..." — только и успел подумать Вэнь Ецай, едва удержавшись от головокружения от переполнявшего волнения. Он уже представлял, как будет выглядеть их возвращение в деревню — и сердце начинало колотиться быстрее. Уж такой-то въезд и в самом деле был делом чести!

Но, радуясь, он всё же не забывал о здоровье Юй Шанчжи. В его глазах тот всё ещё оставался хрупкой веточкой ивы, которую стоит только тронуть — и она сломается.

— Может, я понесу тебя? Так и дело сделаем, и ты не устанешь, — предложил он с серьёзным видом.

Юй Шанчжи тут же замахал руками, поспешно отказавшись. Ему и так уже достаточно неловко за свою беспомощность, а если ещё и гер его по улице понесет на своей спине... да он же после этого никогда больше головы не сможет поднять в деревне!

— Не волнуйся, я дойду сам.

Вэнь Ецай, услышав в его голосе твёрдость, махнул рукой и уступил. В конце концов, они скоро и так обзаведутся повозкой — даже если дойдут туда медленно, успеют вернуться до темноты.

В каждом городе было своё расписание базарных дней. В Лянси рынок проходил по чётным дням, а ещё в первый и пятнадцатый дни месяца собирался большой рынок. Позавчера, если бы у него с собой было больше товара, Вэнь Ецай бы и сам зашёл туда.

"Бычий рынок", как его называли, был лишь частью ярмарки, закреплённой за определённым участком. Название указывало на волов и лошадей, но на деле там можно было найти любую крупную скотину. Мелкую живность — кур, уток, гусей — продавали неподалёку, но на отдельной площадке, чтобы не мешать друг другу.

Изначально Юй Шанчжи тревожился, что они могут не найти нужное место, но очень скоро понял, что напрасно. Вонь от животных стояла такая, что доносилась за пару ли — пробирая до самой макушки. Он до сих пор плохо переносил резкие запахи — особенно после травмы головы, которая вызывала тошноту. В результате, не успев подойти вплотную, его и стошнило на обочине дороги. Вэнь Ецай сразу протянул ему носовой платок, а затем, заметив поблизости торговца фруктовыми напитками, метнулся к нему и вернулся с кувшином кислого сливового настоя.

Юй Шанчжи даже не стал спрашивать, что это — он просто взял и жадно сделал два глотка. Сахар в этой эпохе был на вес золота, потому даже напитки здесь готовились не сладкими, а из свежавыжатых фруктов. Настой оказался кисловатым, лишь с лёгкой сладостью — этого оказалось достаточно, чтобы тошнота отступила.

Он снова сделал глоток и почувствовал, как к нему возвращаются силы. Вэнь Ецай, увидев, что у того прояснилось лицо, с облегчением выдохнул — и не удержался от смеха.

Юй Шанчжи насторожился:

— Что?

Тот откашлялся, будто собирался поделиться большой тайной:

— Угадай, что сказал мне торговец, когда я покупал этот напиток?

Юй Шанчжи лишь вопросительно приподнял брови, а Вэнь Ецай уже продолжил, не дожидаясь ответа:

— Сказал: "Ваш супруг, гляжу, на сносях, да? У нас сливовый настой как раз для такого случая, и от тошноты помогает, и аппетит возвращает. Не верите — попробуйте!"

Юй Шанчжи едва не поперхнулся.

<http://bllate.org/book/13600/1205942>